

Славная история Военно-медицинской академии и её непорешенное будущее

А.И. ЕРМОЛАЕВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
andrey.i.ermolaev@gmail.ru

7–8 апреля 2012 г. состоялась XXII Годичная конференция Санкт-Петербургского союза учёных. Она проходила в Большом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Вечернее заседание второго дня конференции было посвящено истории петербургской Военно-медицинской академии (ВМА). Название заседания говорило само за себя: «Военно-медицинская академия — уникальный образовательный, лечебный и научно-исследовательский центр города, страны, мира». В ходе заседания было заслушано три доклада и ряд запланированных и незапланированных выступлений, иногда очень эмоциональных, вызвавших оживлённую дискуссию.

Первый доклад под названием «Очерки истории Императорской Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии» сделал доктор медицинских наук, член-корреспондент РАМН Владимир Олегович Самойлов. Доклад был посвящён предыстории и первым этапам истории этого учреждения. Вывод, который можно сделать из доклада: это нонсенс, что мы считаем датой образования Академии 1798 г. Как показывает автор, более обоснованно вести отсчёт с 1733 г.

Как только при Петре I стали осваивать эти земли, здесь появились солдатские лазареты. Петр приказал создать четыре госпиталя: сухопутный в Москве, сухопутный и адмиралтейский в Санкт-Петербурге, адмиралтейский в Кронштадте. Проект зданий петербургских госпиталей принадлежит Доменико Андреа Трезини.

С 1733 г. в Генеральном госпитале началось обучение врачей. В то время статус «Генеральный» обозначал обязательное обучение. В 1735 г. издан регламент, в котором чётко прописана система подготовки. В 1742 г. в Генеральную госпитальную школу пришел Иоганн-Фридрих Шрейбер⁶, немецкий врач-физиолог, который развивал концепцию Вольфа и Лейбница, пытался математизировать физиологию. Соглашаясь стать преподавателем школы, Шрейбер потребовал, чтобы его называли не младшим доктором, а профессором. В результате он стал первым профессором медицины в России.

Автор доклада настаивает на том, что в России начиная с XVIII века существовала самобытная медицинская школа, сохранившаяся до сих пор. Сегодняшняя попытка навязать России Болонскую систему вряд ли оправдана, потому что у нас свои, не менее давние традиции правильного медицинского обучения.

В российскую традиционную систему входят следующие три атрибута:

1. Воспитание врача у постели больного. Бурхааве настаивал, чтобы учили врачей при больших госпиталях, чтобы ученики обследовали множество больных.

---

⁶ Петр I являлся сторонником системы медицинского образования профессора и ректора Лейденского университета Германа Бурхааве (Бургаве). Шрайбер был одним из учеников Бурхааве, и он ввёл его систему в преподавание в России.

2. Объединение терапии с хирургией. Название «Медико-хирургическая академия» — не тавтология, так как слово «медикус» в XVIII в. обозначало «терапевт».

3. Солидная теоретическая подготовка, основу которой составляли химия, физика и анатомия.

На практике это означало пятилетний план обучения без воскресений и выходных. Жизнь учащихся была тяжёлой, школу оканчивало примерно две трети поступивших.

С 1761 г. лучших выпускников стали посылать за границу для получения докторской степени. В 1786 г. две лекарские школы были соединены в одну. Появилось три кафедры, то есть три профессора вместо одного.

Когда в 1813 г. русская армия вошла в Париж, в составе войск числилось около 700 врачей. Если бы Академия была создана в 1798 г., то она просто не успела бы подготовить столько военных медиков, но на самом деле Академии в это время было не 15 лет, а на 65 лет больше.

Второй доклад — «Кафедральные музеи академии» — сделал доктор медицинских наук, профессор ВМА Николай Федорович Фомин. Доклад был посвящён демонстрации тех коллекций, которые хранятся в музеях Военно-медицинской академии.

В первую очередь это так называемая «оружейная палата» при кафедре оперативной хирургии — там собрано «оружие», которым работали хирурги в доасептическую эру. Эта коллекция неоценима. Кафедра оперативной хирургии была образована в 1868 г. для доклинической подготовки к занятиям хирургией на трупах и на экспериментальных животных, то есть для обучения операциям как технологическому процессу на аналогах человеческого тела (животные и т. д.). Такая система сформировалась впервые благодаря Пирогову. В нашей стране топографическая и хирургическая анатомия преподаётся хирургами, а не анатомами, как за рубежом, и это очень ценно для подготовки военных медиков.

В коллекции музея хранятся инструменты со времён средневековья до наших дней. По ним можно изучать технологию прижигания открытым огнём и калёным железом, приемы древней китайской медицины, методы кровопускания (включая жгуты Лоррея, лейб-медика Наполеона), историю переливания крови (медные шприцы с теплоизоляторами и т. д.), нейрохирургии и трепанации черепа, операций на суставах, пластических операций... В музее хранятся офтальмологические наборы разных стран, пилы для ампутаций, иностранные и отечественные военно-хирургические наборы и многое другое. К сожалению, как отметил автор доклада, все эти коллекции сейчас под угрозой. Готовящийся перенос Академии за пределы Санкт-Петербурга в посёлок Горская под Сесторечком скорее всего будет фатальным как для самой Академии, так и для её музеев. Как выразился Н.Ф. Фомин, «наши учителя великолепно реализовали принцип “стены учат”. В новых зданиях мы потеряем эти стены».

Автора доклада чрезвычайно волнует судьба той сокровищницы хирургических инструментов, о которой он рассказывал. Музей появился в середине XIX в. благодаря профессору И.В. Буяльскому. Буяльский подарил академии свою коллекцию, которая стоила не менее 200 тысяч рублей, и после этого дара музей сразу стал самым большим в мире. Коллекции музея прирастали благодаря энтузиастам, а всё реорганизации XX в., как правило, шли ему во вред. Из музейной коллекции сегодня потеряно практически всё, кроме той части инструментов, которая осталась на кафедре оперативной хирургии. Возможно, что при следующем переезде она будет потеряна до конца.

Третий доклад — «Архитектура Военно-медицинской академии» — зачитала сотрудник Государственного Эрмитажа Наталия Владимировна Милашева. Доклад был посвящён истории зданий академии. В 2011 г. автору доклада удалось обнаружить письмо, датированное 15 мая 1796 года, о желании Екатерины Второй выстроить здание для Академии. Также Н.В. Милашева демонстрировала письма из архива и слайды с изображением медали, посвящённой госпиталям.

Лейтмотивом последовавшей за докладами **дискуссии** было осуждение решения Министерства обороны РФ о переносе Военно-медицинской академии за пределы города. Обсуждались как историко-культурные последствия разрушения этого памятника научно-педагогической мысли, так и чисто практические последствия такого переноса.

Заместитель председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга Сергей Анатольевич Анденко (выпускник ВМА) пояснил, что планы переноса никто не обсуждал с городским парламентом, что ЗакС уже готовит письмо по этому поводу⁷. Перенос академии грозит тем, что мы можем потерять систему подготовки врачей. Больных трудно будет оперативно доставлять к новому месту расположения, а врачей надо воспитывать у постели больного. Отдельный вопрос — как туда будут добираться родственники больных.

ВМА — это учреждение военное. Некоторые полагают, что если одеть гражданских врачей в форму, их можно будет направить в горячие точки, но военно-полевая хирургия — нечто особенное. Процесс обучения военного врача невозможно отделить от процесса воспитания. Дух ВМА сам воспитывает военврачей в истинном понимании этого слова. Главное, чего не понимает руководство Минобороны, — можно разделить академию как научное учреждение, но нельзя как национальное достояние. Последнее перенести куда-то невозможно. Высказывались предложения, что Военно-медицинскую академию нужно сделать президентской, как когда-то она была Императорской. Но эта мысль, к сожалению, не находит поддержки в правительстве.

С.А. Анденко выразил надежду, что голос учёных может заставить правительство отказаться от планов переноса.

О том же говорил и генерал-майор медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор-офтальмолог Вениамин Васильевич Волков: «Я считаю ВМА своей родиной... более 70 лет связано с ней... ВМА — уникальный научный центр, который нельзя потерять... Переезд никому не нужен и задуман только ради того, чтобы выгодно продать землю в центре города, на которой стоит Академия».

Профессор Юрий Евгеньевич Шелепин, зав. лабораторией физиологии зрения в Институте им. И.П. Павлова, в шутку предположил, что следующим шагом за переносом Академии станет перенос на другое место Петропавловской крепости.

Выступлений было много, потому что широкую научную общественность Петербурга очень тревожит будущее старейшей в России медицинской школы, созданной ещё Петром Первым. Не будем перечислять всех выступавших. Главное, о чём они говорили, — надо сплотиться и добиваться того, чтобы вопрос о переносе ВМА был пересмотрен, и что Военно-медицинскую академию, 25 зданий которой имеют статус памятников федерального значения и охраняются ЮНЕСКО, необходимо сохранить.

---

⁷Дальнейшую историю этого письма можно посмотреть в Интернете: http://delovoe.tv/event/ZakS_obratitsya_k_prezide/; <http://www.zaks.ru/new/archive/view/92708>; <http://www.novayagazeta.spb.ru/2012/40/2>.